

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

подією у філософському житті й розвитку філософської думки не тільки Харкова, а й України взагалі. Тим більше, що воно підкріплюється ще й активною науково-організаційною діяльністю кожного з учасників цього творчого колективу. Тому щиро зичу авторам цієї монографії подальших плідних здобутків, а читачам їх робіт – справжнього задоволення від зустрічі з глибокою за своїм змістом та цікавою за формою подання філософською Думкою цих неординарних вчених.

Петрушов В.Н.

ЦВЕТOK РОЗЫ И ОБНАЖЕННЫЙ ШИПОВНИК

Рецензия: на монографию Андрушко В.А. «Особый смысл омонимии, или же «Африканиада» (Омонимия античного типа). – Львов. – 2011. – 180 с.

Книга посвящена одной из наиболее трудных гносеологических проблем – проблеме омонимии. В ней на широком материале, взятом из различных областей культуры, таких как философия, филология, поэзия и история, подвергается анализу понятие омонимии, характерное для его античного понимания, такое, при котором омонимность атрибутируют не именам, а вещам.

Как считает автор, ему удалось выстроить «стратегию этого своего импровизированного исследования процессов омонимности» (с.77). Очевидно, что такой «стратегией» для литературной импровизации данного вида является своеобразная композиция специфических пассажей, раскрывающих авторский замысел. Ведь речь идет о свободном творческом процессе, который едва ли уместим в прокрустово ложе какой угодно методически выверенной «стратегии»! Собственно, сами названия глав книги («Финал поправки И. Мадвига», «Что есть интерполяция и причем здесь «Новый Саламин»?», «Лишний участник диалога и «всеотчейший дядюшка», «Кое-что о братьях Фарнезе и специально о «цыганском законе» и т.д.) уже носят пассажный характер и подтверждают наше предположение.

Впрочем, стилевая манера автора требует «от нас согласия на то, что без особых интеллектуальных колебаний можно было бы назвать «семиотическим переводом стрелок» (с.10) на предметный анализ содержания книги.

Прежде всего следует согласиться с высказываемой точкой зрения, состоящей в том, что «омонимия... в древнем варианте своего

понимания..., только одной своей половиной была связана с той языковой стихией, с готовностью фиксированной в современном понимании омонимии, в которой, в качестве своеобразного рудимента, в виде, так сказать, бабушкиных чепцов и кринолинов, выделяется фонетическая обертка слов, представляющих собой «одно и то же по звуку». Но вот что удивительно, прошлое не удушает своей костлявой рукой в античном понимании омонимии той второй ее половины, над которой оно не властно, а именно - его нацеленности в будущее и рельефно выраженного личностного начала, при осуществлении самых дерзких человеческих проектов» (с.с. 11-12).

Возможно на этом можно было бы поставить и точку, ведь в этих мыслях выражена главная идея – омонимия античного типа по своей сути была устремлена в будущее и нацелена на личностное начало! И вся проблема заключалась в сохранении и продолжении традиции во имя «осуществления самых дерзких человеческих проектов». А как сказал М. Хайдеггер в своей работе «Гегель и греки» «правильно понятая традиция несет нам настоящее». Как нам представляется, именно в «правильном понимании традиции» через раскрытие особого смысла омонимии автор увидел свою главную задачу.

Несколько забегаая вперед прочтения текста, отметим некую скромность писавшего рецензируемую книгу: «Это говорится, конечно, совершенно свободно без каких-либо ссылок и намеков на «особый смысл» омонимии. Как это делаем сегодня и мы в большинстве случаев. В чем же состоит хваленная мудрость такого подхода, если он встречается чуть ли не на каждом шагу, когда угодно и где угодно? А мы и не стремились разыскать что-то очень мудреное. Разве что, то, что, по известному высказыванию епископа Беркли, мы обязаны говорить «языком толпы», но при этом мыслить как философы» (с. 130).

Однако вышло так, что книга оказалась написана в сложной манере подачи мыслей языком, весьма далеким от «языка толпы», а философские размышления, впрочем как всегда, требуют от читателя значительных интеллектуальных усилий.

Несмотря на многочисленные предостережения по поводу коварства омонимии, автор, не замечая того, сам попадает в омонимическую «ловушку»: «Умножение мнимого на мнимое дает нам сверхреальную реальность, как и умножение естественного на естественное дает сверхъестественное» (с.16). Как известно, в математической теории комплексных чисел умножение мнимой единицы i на мнимую единицу i равно -1 , числу, которое вовсе не означает «сверхреальную реальность», а приумножение естественного, как правило, лишь проливает свет на «сверхъестественное», но никак не становится его источником. Правда, в психологии умножение образов и ассоциаций может вызвать ощущения «сверхъестественности» (распад воображения или восприятия), но это уже

из области патологии. Вообще говоря, сверхреальное и сверхестественное представляют предмет соотношения рационального/иррационального. Автор же в контексте рассматриваемого им мифологического сюжета своим изречением, очевидно, подразумевает гипостазированную реальность: «Мифопоэтическое творчество есть, по большому счету, творчество мифологическое, это значит, например, что оно не просто разделяет как отвлеченный прием аранжировки, но решительно не мыслит свое существование вне повторяющейся двойной и тройной семиотизации предмета и некоторого накопления имен» (с.15).

Эта тема проявления видов реальности на почве развертывания омонимического плана ее семиотизации находит в книге свое интересное продолжение и развитие на примерах различения четырех основных риторических тропов – омонимности, синонимности, полионимности и гетеронимности, а именно: а) общность по имени, но не по понятию; б) общность и по понятию, и по имени; в) общность по понятию, но не по имени; г) общность ни по имени, ни по понятию (с.66).

Дальнейшая эскипликация данной четырехчастной структуры тропов выводит автора на четырехактную формулу, известную в логике как тетралемма, обнаружить которую удастся и в трудах Порфирия, и у Парменида, и у Эриугены. И что характерно, тетралемма находит свое воплощение также в современных сферах музыки (квартили, импровизации, джазовый квадрат), художественных промыслах (способы вязания), квантовой физике (четырёхкварковая модель с соответствующей группой симметрии), топологии (сферическая группа кос), философии (адогматический квадрат, постулаты возможного и невозможного). Здесь же уместно вспомнить и хайдеггеровскую «четверицу мира» (небо и землю, смертное и божественное; в своем докладе «Вещь» Хайдеггер пишет: «Эти четверо связаны в своем изначальном единстве взаимной принадлежностью. Предшествуя всему присутствующему, они сложены в простоту единственной четверицы»). По сути же философ от слова «чаша» осуществляет развернутую схему гетеронимии, в которую частным образом включаются и остальные тропы).

Таким образом, принцип учетверения терминов (Quaternio terminorum), восходящий к нам от философа – неоплатоника Порфирия в его формулировке «...всякая вещь, обладающая именем и понятием, порождает четвероякого рода отношения к вещам, /обозначаемым/ таким понятием, сообразно имени...» (с.66), утвердился в современных языковых (текстовых) конструкциях, расширяя границы понимания окружающей нас действительности. В этом смысле автор книги имеет все основания ввести так называемое «правило анти - бритвы Оккама (или «правило бороды Оккама») в его собственной интерпретации: «не только возможно, но и необходимо умножать количество сущих» (с.15). В нынешнем мире так и происходит, ведь уже являются признанными в своем существовании

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

разные виды реальностей – «виртуальная», «квантовая», «наноскопическая» и прочие. Они то как раз и служат «эмпирическим подтверждением того, что на практике омонимия является не чем-то однозначным, односложным, а содержит в себе «этажи» и «уровни» (с.15). В особенности это рельефно наблюдается в области «квантовой реальности» (квантовой теории поля). Хорошо известные всем понятия «аромат», «цвет», «истина», «прелесть», «очарование» омонимично стали обозначать квантовые числа адронов и кварков, подтверждая тем самым тезис о «красоте» микромира. Даже столь расхожий термин как «конфайнмент» (удержание), ставший таким в украинском обществе из-за необходимости постройки нового укрытия над разрушенным энергоблоком ЧАЭС и широкого обсуждения этой проблемы, строго говоря к техническому проекту саркофага никакого отношения не имеет, поскольку изначально означает явление удержания (конфайнмент) кварков внутри адронов. Но коль скоро «сущности следует умножать», как считает автор, то и омонимическое расширение смысла этого термина перекочевало из узкого лексикона физиков в широкую масс-медийную и публичную среду.

И здесь остается лишь согласиться с точкой зрения автора: «Граница, пролегающая между «естественным» и «искусственным», вообще говоря, размытая в современной культуре, как мне представляется, может служить удивительной иллюстрацией процессу омонимии... Интересно то, что такая точная дисциплина как современная физика микромира рассматривает омонимические частицы и процессы как реалии» (с.60). Но важны не сами по себе рассуждения, которые в тексте далеко не всегда прозрачны и неустранимы, а важен методологический вывод, делающий эти рассуждения плодотворными: «... Вовсе не количественный подход диктует свои условия омонимности, а, напротив того, омонимность выступает началом количественного подхода» (с. 60). Именно этот вывод и позволяет автору выбраться из той омонимической «ловушки», о которой шла речь ранее. Действительно, не ставя «умножение» на первый план количественного подхода, а сосредотачиваясь на омонимичности «сверхреальной реальности» и «сверхъестественного», мы начинаем понимать, что углубление и проникновение в смысл этих понятий требует от нас некоторого механизма наращивания интеллектуальных усилий через «умножение» мнимого (предполагаемого) и естественного (действительного). Что именно «умножать» (образы, чувства, усилия и т.д.), конечно же зависит от конкретной познавательной ситуации. Например, «Не собираюсь тебе умножать здесь богатств и запасов» (Гомер «Илиада»), - так заявил Ахиллес Агамемнону. Здесь речь идет о мнимых «богатствах и запасах», поэтому можно предположить и наличие «сверхреальной реальности», в которой пребывали герои поэмы. Но когда идет речь о «приумножении

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

естественного», например, энергетических ресурсов (энергии) по тропе омонимии мы можем добраться и до сверхъестественного – до энтелехии. Ибо «действительность» по-гречески – «энергия», Аристотель же называет полноту пребывания (в действительности) подлинно присутствующей «энергией» или «энтелехией». Тогда умножение энергии приближает мир к полноте его осуществленности в сверхъестественном плане, т.е. к энтелехии, или же ...к его уничтожению (модель чернобыльской трагедии). Как видим, омонимические вариации, накладываясь на действительность, становятся не только влиятельным фактором ее семиотизации, но и открывают ментальный путь в область реальной жизни.

В дискуссионной плоскости поставлен вопрос о значении суперлятива для усиления функции выразительности мысли (слова) в омонимии. Автор утверждает: «Суперлятивный характер омонимии находится не в ней, а за ней, и выделять ее специально – это значит выдвигать «суперлятив суперлятива», что вряд ли оправдано» (с. 48).

И далее, следуя этому тезису, находим в тексте книги следующее: «Ведь поэтические, то есть священные, таинственные, магические свойства, которыми, случается, древние поэты наделяли обыкновенные, чувственные вещи, не терпят в отношении себя никакого суперлятива. Так как эти свойства сверхъестественным образом сразу представляют собой сепурлятив» (с.72).

Тем не менее «древние поэты» в своих произведениях довольно часто обращались к этой категориальной форме степеней сравнения прилагательных, наречий и предикатов. Особенно часто встречается суперлятив, образованный флективным путем и употребляемый в элативном значении, например: 1) «И ответил ему Ахиллес быстроногий»: «Сын многославный Атрея, корыстнейший муж между всеми!», 2) «Или и сам ты, Пелид, ужаснейший между мужами. Дар богатеший – тебе». (Гомер, «Илиада», - подчеркнуто нами). Да и сам автор, цитируя ELOGIA SCIPIONUM, выделяет строки: «Весьма не мало (Римлян) согласны в том, что этот человек, Люций Сципион, был наидостойнейшим из достойных (мужей)» (с.135). При этом он замечает, что «...цитировавшиеся выше надгробные надписи из усыпальницы, принадлежащей роду Сципионов, написаны на раннем народном стихе, называвшемся сатурнийским (с которым мы уже выше имели дело в связи с анализом стихов Горация)» (с. 135). А вот и то место, где автор подтверждает право суперлятива быть использованным в текстах времен античности: «...Плавт говорит: «Ах, мой всеотчейший дядюшка!» Поэтому тот суперлятив, который тут, несомненно, имеет место быть, ближе к той системе родства, которая сложилась в Риме, чем к той «пунической», которая сложилась в Карфагене» (с.131).

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

Как нам видится, суперлятив способен усилить выразительность омонимических структур во всех видах текста: прозаического, поэтического или же диалогического. Более того, суперлятив может побуждать «использовать омонимию в ее двойственной мотивации» (с.25). Э. Гуссерль, выражая свое отношение к философии М. Хайдеггера, в письме к А. Пфэндеру от 06.01.1931 г. писал: «... Я пришел к печальному результату, что философски с этим хайдеггеровским глубокомыслием, с этой гениальной ненаучностью я не имею ничего общего... Я не скрыл от Хайдеггера моего результата» (подчеркнуто нами, - авт.). Если Гуссерль именуется «хайдеггеровское глубокомыслие» - «гениальной ненаучностью», - то не это ли пример «двойственной мотивации», когда философ отказывает другому философу в «научной строгости» мысли! Но заметим – не в ее красоте... А ведь еще Боэций считал, что красота не может быть предметом «строгой науки». И если Гуссерль не оценил в свое время красоту и величие мышления своего ученика, то именно это и поставило его на грань двойственности восприятия философии Хайдеггера. Здесь, как нельзя лучше, иллюстрирует наше убеждение в заблуждении Гуссерля относительно оценки фундаментальной онтологии Хайдеггера цитата автора из «Пролегоменов» И. Канта: «Если перечислить все предикабилии, которые можно в достаточно полном виде найти во всякой хорошей онтологии (например, Баумгартена) и подвести их под категории по классам, обязательно присовокупив возможно полное расчленение всех этих понятий, то возникает чисто аналитическая часть метафизики (чем собственно и занимался Хайдеггер, - авт.), не содержащая в себе ни одного аналитического положения; она могла бы предшествовать второй (синтетической) части и была бы не только полезна своей определенностью и полнотой, но в силу своей систематичности имела бы еще и некую красоту» (с.142).

Очевидно, что и «хайдеггеровское глубокомыслие» и «гениальную ненаучность» в данном случае можно еще интерпретировать по авторской версии как «левое» и «правое» в «предвосхищении функционального типа» омонимии: «И подобно тому, как в едином человеческом теле имеется кое-что двойное – с одинаковым названием (*ομωνιμα*), лишь с обозначением «левое» (*σκαλα*) или «правое» (*δεξια*), - так обстоит дело и с состоянием, не подчиненным рассудку» (Платон, «Федр»);(с. 54). Очевидно, имеется ввиду состоянием тождественности, которое устанавливается на объективной почве произрастания омонимии. Как и в случае оценки Гегелем истории греческой философии: 1) «И таким образом древнейшие философы самые скудные (в смысле полагания ими абстрактного как «простейшего, скуднейшего», чему противопоставляется конкретное, - авт.); 2) Тут же однако Гегель характеризует «ступень греческого сознания» как «ступень красоты» (цит. по работе Хайдеггера

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

«Гегель и греки»). Не правда ли Гегель и Гуссерль в приведенных примерах обнаруживают некий ментальный изоморфизм, основанный на «двойственной мотивации» вынесения парадоксальных оценок?

Как это совместить? Прекрасное и абстрактное все-таки не тождественны. Как Гегель, видя в ступени красоты ступень абстракции, расчленяет и изображает историю греческой философии, здесь не представляется возможным обрисовать.

Размышляя над «архитектурными и топографическими фантазиями» Платона, среди которых оказалась и планировка города по образу нынешних «спальных районов», автор излагает свое мнение, которое вызывает недоумение: «При чтении этого отрывка (Платон «Законы», - авт.) на ум приходят слова из современного воинского устава, требующие, чтобы все постели в казарме были застелены «однообразно». Вот это-то, к вящей радости М. Хайдеггера и его поклонников – хайдеггерианцев, действительный, а не мнимый дом бытия» (с. с.51-52).

Что это? Если говорить о воинских уставах, то там все правильно и каждая статья проведена до мелочей повседневной службой и жизнью военнослужащих. Но вот какое отношение имеет воинское «однообразие» к «дому бытия» Хайдеггера и почему мыслитель должен был испытывать чувство радости по этому поводу, остается загадкой. Тем более, что действительный дом бытия по Хайдеггеру – это язык! Тот самый человеческий язык, над которым так усердствует автор книги.

Если же это «ирония» (в связи с чем, понять трудно!), то в духе самого же автора: «...Она (ирония, - авт.), будучи явлением совсем иного, сущностного плана, выводит за любые рамки, накладываемые на контекст омонимности...» (с. 51). Действительно, «за любые рамки», в том числе и этические.

Завершим обзор этого неординарного издания авторским пассажем, подводящим итог столь витиеватым и многосложным рассуждениям об омонимии, тесно вплетающейся в философское мышление античных времен и современности: «Как не крути, все равно покажется чем-то малым и неправильным ум Анаксагора, с одной стороны, и нюхание розочек, с другой» (с.160). О том, какие «претензии» к Анаксагору предъявили Платон и Аристотель и как надо «нюхать розы», чтобы понять «ролеву функцию омонимии с именем розы», отсылаем читателей в загадочную «Африканиаду», где так причудливо переплелись античные имена людей и континентов.

Книга предназначена философам, филологам, археологам и всем интересующимся историей и теорией мысли и языка и, несомненно, вызовет интерес у понимающей публики. По крайней мере, мы на это надеемся.